Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Из цикла «В отцы годится» №10: Джек и Джеки

По мотивам одной старой сказки...

***

Итак, решено: бежим. Я и мистер Дженкинс. Он парень что надо, и я доверяю ему, как родному. Мне кажется, что я знаю его целую вечность. Мы с ним уже придумали, как околпачить моего папашу. Он головастый — мистер Дженкинс, то есть. Недаром он работает в этой их правозащитной организации, или как ее. Там дураков не держат. Бороться за справедливость — это вам не машины мыть.

Дьявол! Я говорю, как папаша.

Я даже похож него. У меня его нос, его глаза. Это нормально, но это неправильно. Я не должен быть похож на него. Я ненавижу себя за это. Скорей бы мы с мистером Дженкинсом драпанули отсюда, пока я совсем не взбесился в этой тюряге. На дворе 1982-й год, а я живу, как пещерный тролль какой-то.

Папаша идет. Прячу дневник.

***

Надо собраться с духом и не натворить глупостей. А то я уже посматриваю на каминную кочергу, когда папаша читает мне тут свою мораль. Хотя у меня не хватит сил. Я же хлюпик, не то что мистер Дженкинс. Конечно — никакого спорта, никакого физического развития. Я как девчонка.

Хотя я и девчонок-то и не видел, если по совести. По телеку только. Старый козел держит меня взаперти, потому что я, понимаете ли, моментально сдохну без этого своего лекарства. Ну допустим, хоть я в это не верю. Но почему меня надо держать, как диванную собачонку, не выпускать на улицу, запретить общаться с людьми? Почему мне надо запрещать читать то, что я захочу, и выдавать мне книги поштучно после препирательств? И телек я смотрю только, когда у отца хорошее настроение. И еще тайком. Я там такое видел...

Сегодня мне опять снилось ЭТО. Дьявол, неужели я голубой?..

***

Мой отец — непризнанный гений. Живет в своей конуре, которую гордо именует замком Османов, отгородился от мира и держит меня взаперти. Вечно киснет в этих своих опытах — у него тут лаборатория, битком набитая всяким несчастным зверьем, вроде кроликов или белок. Он то ли режет их, то ли превращает в монстров — хрен знает, мне туда ходу нет. Там тройная сигнализация, как в банке. И я у него как ручная белка.

Но все-таки в мире есть справедливость, потому что в один прекрасный день к нам пришел мистер Дженкинс. К нам многие ходят, и папаша всех выпроваживает, но никто еще не обращал внимания на меня, если я вдруг попадусь под ноги. Старый пердун запрещает мне выходить к гостям, но если они нагрянут внезапно, и он забудет запереть меня — я обязательно выгляну, хоть он и орет на меня потом. Хоть поглядеть, какие они бывают, живые люди-то.

Но они всегда заняты папашей и его тайнами. Фигня все это, нет у него никаких тайн, одна показуха. Я уверен в этом. Просто он ничего не смог в жизни и выпендривается теперь, чтобы на него обращали внимание. И добился же, гад. Каждую неделю репортеры лезут. Но из всех из них только мистер Дженкинс заговорил со мной.

А потом он пришел снова, и мы даже немного поговорили, пока папаша отгонял кого-то от лаборатории. Мистер Дженкинс сказал мне: сразу видно, что единственный адекватный человек здесь — это ты. Ну, то есть я. И, уходя, оставил мне записку.

Оказывается, он из правозащитной организации, которая борется за справедливость. До него дошли слухи, как тут надо мной измываются, и он просил меня рассказать о моей жизни. Ну, я ему, конечно, расписал все в красках. Пусть он это опубликует в какой-нибудь крутой газете — в USAToday, например, или в WashingtonPost. Все-таки есть справедливость на свете! Я теперь даже готов поверить в Бога — что это он послал мне мистера Дженкинса. И готов молиться ему каждый день. Я так и делаю, потому что боюсь — вдруг побег сорвется?

Но не должен: мы с ним все так здорово продумали. Мы обменивались записками через журнал RangerRick*, который я выписывал. Это единственное, что разрешил мне выписывать старый хрыч. Мистер Дженкинс сам высылал мне журналы и вкладывал в них записки, а я просто бросал ему свои послания в наш почтовый ящик — почтальон забирал их вместе со всей почтой, а папаша и в ус не дул.

---

*Аналог нашего «Юного натуралиста» (прим. авт.)

Завтра мы сделаем это. Завтра я буду свободен.

Все элементарно, как говорил Шерлок Холмс: по утрам старый койот не запирает меня, и нужно просто отвлечь его, как это сделал мистер Дженкинс во второй свой приход. Тогда мы успеем добежать до его машины, а из папашиной мистер Дженкинс выльет бензин. Просто и гениально.

Только бы получилось, только бы…

***

Не могу уснуть. Засыпаю на пять минут и сразу просыпаюсь.

Опять снится… не знаю даже, как описать. Однажды я видел по телеку, как они делали это. Ночью я вставал в туалет, а папаша зазевался и не сразу выключил, так что я успел кое-что увидеть. Они были голые — она стояла на четвереньках, а он сверлил ее сзади своим писюном, огромным, как колбаса. Не то что мой. Она была молоденькая, а он постарше, матерый такой, как мистер Дженкинс.

И с тех пор мне иногда снится, что это делают со мной. Вот только странно, что не я, а меня. Будто я девчонка. Стою вот точно так же на четырех, и он молотит меня сзади…

Неужели я голубой?! Но этого не может быть — ведь мне нравятся девчонки, я с таким удовольствием смотрю на них в фильмах, и потом мечтаю, как я дружу с ними, трогаю их и целую… Мечтаю увидеть настоящие сиськи. Я их видел по телеку несколько раз, но это все фигня, на пару секунд, а я хочу рассмотреть, потрогать… Они кажутся мне настоящим чудом. У девушки из телека они болтались, как колокольчики. Мне это так понравилось, что я постарался хорошо запомнить, как это было, чтобы потом представлять себе. Я так умею: засуну что-то себе в память, как в морозилку, и потом достаю и размораживаю, если надо. А как иначе, если мне не дают ни читать, ни общаться?

Я краду у папаши журналы. Он иногда ловит меня и орет, но обычно не замечает. А я почитаю и подкладываю обратно в стопку. В одном журнале я вычитал, что все мальчики хоть немножко, а мечтают побыть девчонками. Раньше я не думал об этом, а как прочитал — задумался и понял, что оно так и есть.

Девчонки — они ведь вообще какие-то особенные. Они удивительные. Это как люди

улучшенного сорта. Кажется, что они сделаны из чего-то драгоценного. Наверняка быть красивой девушкой куда интересней, чем таким хлюпиком, как я. Хотя настоящим крутым парнем тоже классно быть. Таким, как мистер Дженкинс — сильным, умным. И красивым. Он как скандинавский бог или викинг. Я хочу быть таким, как он, хоть и знаю, что это невозможно.

Папаша все время колет мне лекарство, без которого я не протяну и дня. Так он говорит, и я ему не верю. Я весь исколотый, как яблоко на ёжике. Но даже если он и прав — лучше сдохнуть на воле, чем жить тут комнатной крысой. На всякий случай я припрятал ампулу и шприц. Если поплохеет — уколюсь, а там врачи разберутся. Небось поумнее будут моего папаши. Тоже мне, гений.

Обидно, конечно, помирать на ровном месте. Столько всего хочется увидеть. Например, что у девчонок вместо писюна. Так интересно и страшно...

Но мои сны еще страшнее. Почему? Почему?

***

Да!!! Я свободен! Свободен!!!

Мы сделали это!

Мистер Дженкинс помог мне бежать, и мы ужинаем в настоящем мотеле! Конечно, папаша подаст в полицию, но мистер Дженкинс говорит, что это ему не поможет, потому что меня удерживали незаконно.

Я не могу передать, что я чувствую! Мы неслись на машине по просторам, и я столько всего видел! Я раньше никогда не ездил в машине! Это чувство движения — я не могу описать его, это как будто ты летишь! На свободу! И вокруг голубое небо, солнце, куча других машин и людей, и так здорово думать, что я к каждому могу подойти и свободно заговорить, и сказать — «привет, я Джек, а ты кто?».

Во мне все это гудит сейчас. Я как немножко сошел с ума. Или как пьяный. Кстати, мистер Дженкинс заказал бутылку вина, и я впервые пил спиртное! Круто, просто нет слов. Меня немножко мутит,но это с непривычки. Еще бы, столько впечатлений, сказал мистер Дженкинс. Он классный парень, еще лучше, чем я думал. Ему за сорок, но он совсем не зануда, и глаза у него молодые. Мы с ним едем в его правозащитную организацию, и там я смогу пожить какое-то время. Так он сказал. Что-то мне не по себе. Пойду прилягу. Хлюпик несчастный, полдня провел на свободе и скис, как дохлятина...

***

Дьявол, я умираю. Проклятый койот был прав: мне нельзя на воле. И ампула куда-то делась, потерял, наверно. Адская боль во всем теле, к груди не прикоснуться...

Хоть мистер Дженкинс рядом. Это единственный человек, кого я хотел бы видеть рядом в такую минуту. Он сам врач, и он пытается мне помочь. Я так рад, что встретил его.

Прощайте, прощайте, прощайте все, с кем я так и не познакомился и не поговорил...

***

Кажется, я долго валялся в обмороке.

Сейчас ночь. Когда я очнулся, я думал, что умер и уже на том свете. Незнакомая комната, все такое белое, красивое. Но потом я подумал, что это просто больница. И в тумбочке мои манатки. Надеюсь, никто не совал нос в этот дневник?..

Все болит по-прежнему. Какого дьявола я не умер?... Хотя все-таки, наверно, это хорошо. Но, может, я еще скоро умру. Все так болит, что я не могу встать.

Ручка вываливается из рук...
***
Я в таком шоке, что не могу писать.
Не знаю, радоваться мне, рыдать или сходить с ума. Мне и так кажется, что я сошел с ума. У меня бред. Такого не может быть. Просто Не Может Быть.
Лучше бы я умер.
***
Я тогда очнулся и увидел мистера Дженкинса. И задал самый дурацкий вопрос, который мог задать: «я не умер?»
И удивился: мой голос звучал как-то не так, как всегда. Как-то пискляво, будто я еще мелюзга, и мне лет четырнадцать, а не восемнадцать.
— Нет, Джек, — сказал он очень мягко, как с детьми говорят. Он раньше так со мной не говорил.
И я почуял неладное.
— Что случилось?!
— У меня для тебя есть новость, — сказал он. И замолчал.
А я чихнул. И спросил — «что это?» — потому что мне лезли в лицо и в нос какие-то щекотные штуки.
— Твои волосы. Они у тебя отросли.
— Волосы? Я такой лохматый? — я пощупал свою голову и присвистнул. Их было так много, что мои руки будто окунулись в шерстяную ванну. Наверно, я тут провалялся без памяти месяца полтора или два, раз так зарос. — Ни фига себе! Это и есть новость?
— Нет. То есть не только. Ты только не волнуйся и не пугайся, — сказал мистер Дженкинс.
— Я инвалид? Не смогу ходить? — спросил я и пошевелил ногами. Они вроде нормально шевелились. И уже ничего не болело.
— Нет. Слава Богу, все в порядке. Ты здоров... или почти здоров. Но не в этом дело. Понимаешь...
Он замолчал. А я смотрел на него. И думал, что если он сейчас не скажет, я все-таки умру.
— Понимаешь, Джек... В общем, ты теперь уже не совсем Джек. Ты превратился в девушку, — сказал мистер Дженкинс и добавил: — В очень красивую девушку.
***
И я тогда запорол конкретного дурака. Или дуру? как теперь правильно говорить?..
Я вначале не мог понять, почему мистер Дженкинс так дебильно надо мной шутит. Я разозлился и подскочил на койке.
И тогда я увидел и почувствовал. Я был голый под одеялом, и я сразу увидел ИХ. И почувствовал, как они мотыльнулись там. Будто мне под кожу вшили тяжеленькие такие мешки. И еще почувствовал, как меня всего окутал щекочущий кокон и лезет в глаза. Волосы! Они вымахали почти до пупа мне и были как вьющийся черный пух, щекотный до чертиков.
Я заорал, как дебил, и вскочил на ноги. Я и правда был совсем голый, и ТАМ... ничего не было! Была какая-то щель, вся в волосках, и всё.
— Вы его отрезали! — орал я на мистера Дженкинса. — Что вы сделали? Это вы сделали? Вы?..
— Успокойся, Джек, — говорил тот. — Нет, это не мы. Мы тут ни при чем...
— Я вам не верю! Я был парнем, нормальным парнем! Что вы натворили?..

— Успокойся и выслушай!
Он, наконец, силой усадил меня на койку.
— Это не мы, Джек. Честно. Это все твой отец.
— Что? Папаша превратил меня в девчонку?
— Наоборот. Ты всегда был девочкой, Джек.
Я так удивился, что замолчал.
— Ты родился девочкой, а твой отец делал из тебя мальчика. Это все твое лекарство. Так называемое лекарство... Отец ставил на тебе эксперименты. Он занимался генной инженерией и изобрел препарат, который влияет на гормоны на генетическом уровне. Он ежедневно вводил его тебе, и это привело к тому, что твое тело превратилось в мужское. Точнее, ты стал кем-то вроде андрогина. Снаружи у тебя выросли мужские половые органы, а внутри остались женские, которые под действием препарата постепенно превращались в рудимент. Как только ты прекратил принимать препарат — твоя гормональная система восстановилась, организм отторг мужской половой орган и сформировал женские. Эта встряска едва не погубила тебя. Но ты оказался сильным малым, Джек. Точнее, сильной малышкой.
У меня внутри все опускалось куда-то, пока я слушал его.
— Нет, нет, — бормотал я. — Все не так. Я вам не верю.
— Это невероятно, — сказал мистер Дженкинс. — Но это правда, Джек. Я проверил. Мы сделали запрос по архивам. У Марвина Османа, твоего отца, никогда не было сына. У него один-единственный ребенок — девочка, которая родилась восемнадцать лет назад. Это ты, Джек.
Больше в тот день я ничего не помню. Наверно, я снова отключился.
***
Жрать хотелось, как в аду. Я трескал по семь раз в сутки и не мог наесться.
— Еще бы — такое пережить, — говорил мистер Дженкинс.
Он все время был рядом и поддерживал меня, как мог. Но я заметил, что он совсем иначе стал вести себя со мной. Трудно сказать, в чем это выражалось — в голосе, в движениях, в том, как он смотрел на меня...
Когда я наконец наелся по-человечески, я впервые подошел к зеркалу. Ну, впервые после ЭТОГО, имею в виду.
Все это время я был совсем голый (или голая?). Мистер Дженкинс сказал — это потому, что я был в отключке, и скоро мне дадут женскую одежду.
Я уже был готов ко всему, когда шел к зеркалу, закрыв глаза. Но все равно то, что я там увидел, было... я не знаю, какие слова подобрать, но — ОНО было таким, что я все-таки заорал, как кретин.
То есть не оно, а она.
Ничего общего со мной там не было. Ну, может, что-то похожее осталось в лице, и то — из-за волос хрен разберешь.
Там стояла голая кудрявая девушка. У нее были здоровенные сиськи с большущими коричневыми сосками, широченные бедра и что-то непонятное вместо писюна. У меня даже внутри заскребло, когда я глянул туда. И еще у нее была копна черных волос, накрывшая плечи и половину рук. Они все вились спиральками, как свёрла. В животе у нее было совсем тоненько — такой толщины были ноги у моего папаши.

Эта девушка была именно такой, каких я всегда хотел увидеть. Ну, увидеть голыми, в смысле. И она была красивой, я не мог не признать этого. Она была гораздо красивее Джека.

Или нет, не так: что было у Джека не ахти каким — стало красивым у нее. Пожалуй, что очень красивым.

Дьявол.

Только вот я никак не мог взять в толк, как так может быть, что она — это я. Я — это она. ОНА...

— Нравишься себе? — спросил мистер Дженкинс. Он стоял у меня за спиной.

— Не знаю, — буркнул я.

Голос тоже был не мой, и я не мог им управлять. Он звучал не так, как мне хотелось. Не мой голос. Я — не я...

Я вдруг разревелся.

Это было совсем по-девчоночьи, я не помню, когда последний раз ревел, но тут вдруг проняло. Я ревел и понимал, что я сейчас совсем настоящая девчонка, ну просто один в один, и от этого ревел еще сильней...

Если бы мистер Дженкинс бросился меня обнимать и утешать, я бы его убил, наверно. Я бы исцарапал его, как это делают девчонки, и визжал бы на всю больницу, пока не надорвал бы себе глотку и не умер бы...

Но мистер Дженкинс не шевельнулся.— Я не буду утешать тебя, — сказал он. — Это реальность, и ее надо принять, Джек. Да и утешать-то нечего, честно говоря. Эта твоя новая реальность — очень недурная реальность, а вовсе не какая-нибудь там беда или катастрофа. По-моему, ты стал гораздо лучше, чем был, Джек.

Может, мистер Дженкинс был волшебником, но я сразу перестал реветь. Вот будто выключили, и все.

***

Потом я стал делать разные глупые открытия.

Во-первых, я спросил:

— Так что, я теперь могу рожать детей?

— Скорей всего, да, — кивнул мистер Дженкинс. — Мы еще не сделали все анализы, но думаю, что репродуктивная система полностью восстановилась. У тебя уже были месячные. Еще надо кое-что проверить...

Дьявол, ну и дела. Месячные?... Но второе открытие отвлекло меня.

Потому что наконец-то я осознал ЭТО. Я понял ЭТО по-настоящему.

Понял, что у меня теперь есть они.

Сиськи.

И именно такие, какие я мечтал потрогать. Большие, чуть висячие, красивой такой формы, как тюленьи морды.

Минут пять я, как идиот, изучал их перед зеркалом. Трогать их было странно — и приятно и неприятно. Мистер Дженкинс стоял рядом и пристально смотрел на меня.

И тут (я хорошо запомнил это) мелькнули сразу три мысли. Вот так вот — одновременно, кучей.

Первая — «хочу, чтобы это делал он».

Чтобы трогал меня за сиськи. За мои сиськи.

Вторая — «а я ведь голый перед ним». Я как-то забыл, что когда смотрят на тебя, голого, —

должно быть стыдно.
И, как только я это вспомнил... нет, стыдно не стало. Но я вдруг почувствовал, что я голый, не понял умом, а именно почувствовал каждым клочком своей девчоночьей шкуры, ощутил, что у меня торчат голые стыдные сиськи, и что у меня нет трусов, и мистер Дженкинс все видит...
И это чувство... я не знаю, как описать его, но оно было таким сильным, что я вдруг обернулся на мистера Дженкинса, посмотрел ему в глаза и влип в них, как муха, чувствуя, что не могу оторваться и таю в его горячем взгляде...
Это было что-то непонятное. По шкуре пошли мурашки, и я ощутил, что мои сиськи искрят, как провода, и дико захотелось, чтобы их взяли и мяли, доили меня, как корову... И в теле стало сладко, как перед обмороком. Захотелось стыдного, неприличного, и я отвел взгляд и стал изучать перед зеркалом то, что было у меня теперь между ног.
Щель с какими-то складками, лиловыми и почему-то липкими... Их было очень приятно трогать, так вкусно и чуть-чуть кисленько, как если чесать там, где сильно чешется. Вот только...
— Мне надо отлить, — сказал я.
И как я раньше не заметил! Теперь мне казалось, что еще секунда — и я лопну.
— Там туалет, — сказал мистер Дженкинс каким-то странным, хриплым голосом, и показал на дверь за углом.
Я вошел туда, стал над унитазом...
Дьявол! Как теперь это делать?..
Наверно, мистер Дженкинс услышал мои проклятия, потому что он вошел ко мне и увидел меня в луже, с мокрыми ногами.
— Джек, — сказал он. — Ты же теперь девочка. Сядь на унитаз.
Я сел, подвывая от унижения. Мистер Дженкинс раздвинул мне ноги, и я спустил еще литра два, а он смотрел, как оно вытекает из меня, из этой чертовой щели, и я тоже смотрел туда...
— Ничего, — сказал он. — Вот здесь душ. Я скажу уборщице, она уберет.
— Только не говорите, почему так, — попросил я.
— Не бойся, не скажу. Но если ты думаешь, что это будет для нее шоком — ты ошибаешься. Ей тут такое приходилось видеть и убирать...
Я влез в душ, и мистер Дженкинс мыл мне ноги, будто я был маленький и не мог справиться. Я не возражал, потому что... мне хотелось этого. Хотелось, чтобы он меня трогал и щупал. Было стыдно до визга, и я стал совсем смурной.
— Будем потихоньку учиться быть девочкой, — говорил мистер Дженкинс и стал делать то, чего мне хотелось больше всего — залез мне между ног. — Нужно вот так натянуть и аккуратно помыть... Попробуй.
Я пробовал, и было невыносимо приятно, даже плакать захотелось... я и не знал, что приятность может быть острой, как боль. Зверски хотелось, чтобы это делал он, а не я. Но не мог я ему сказать...
— Как мы теперь будем тебя звать, Джек? — спросил он. — Ведь ты теперь не Джек.
— Ха-ха-ха, — расхохотался я. Нервы сдали. — Элли, Энни или Дороти? Или, скажем, Изабелла?
— Ну почему же? Ведь есть и такое женское имя — Джеки, — сказал мистер Дженкинс. — Почти то же самое. Только сокращенно от Джеклин, а не от Джекоб... Ну как, согласна, Джеки?

— Ладно уж, — буркнул я. — Пусть будет Джеки.
А что? Вполне себе неплохо. И не надо быть кем-то совсем-совсем другим.
Я даже приободрился.
— Когда там у вас обед? А то у меня в ушах звенит.
— Сейчас организуем. Вытирайся, а я вызову сестру.
Он вышел. А у меня и правда звенело в ушах. Только не от голода...
***
В тот день я не выкисал из зеркала.
Во-первых, было жутко интересно. Стыдно признаться, но мне очень нравилось то, что я там видел. Даже дух захватывало. Эти вьющиеся волосы каскадом, в которых ОНА, как в плаще, и сиськи-тюлени, выглядывающие из них, и тоненький животик, и физиономия...
ОНА — это Джеки. Я еще не мог принять, что она — это я, но она была дико хорошенькой, чего уж там, и я уже думал, что быть девчонкой совсем не так плохо. Пожалуй, раньше я и помечтал бы очутиться в теле такого создания. Мне стало казаться, что я теперь не обычный человек, а сделан из какого-то особого теста. Я даже думал вначале, что меня успели накрасить, и только потом понял, что это у меня теперь такие длинные густые ресницы и красные губы. И кожа на лице у меня была не простой, а как матовый фарфор или лепестки у всяких там цветов — орхидей и так далее.
Смотреть на голую Джеки было стремно, даже в груди холодило. Я понимал, что все еще смотрю на нее, как Джек, как парень, и волнуюсь, как если бы встретил ее вживую. Вернее, не так, а гораздо сильнее, потому что я теперь был ею. ВСЕ ЭТО теперь было мое.
А во-вторых, я торчал у зеркала потому, что мистер Дженкинс все время смотрел на меня. И мне это нравилось.
Мне дико нравилось, что он видит ЕЕ (то есть меня) голой. Я даже заметил, что мое тело как-то особенно гнется перед ним, выпячивая сиськи и вагину (там мистер Дженкинс назвал эту щель). Мне бешено хотелось чего-то, а чего — я и сам не знал, но хотелось все сильней, и я уже начал съезжать с катушек.
Потом я сел на койку, раскорячил ноги и принялся изучать себя ТАМ. Во-первых, мне и правда было интересно. А во-вторых...
Мистер Дженкинс подошел ко мне и сел рядом. Аааа! Я чуть не подох от волнения...
— Вот это большие половые губы, — сказал он и тронул мою вагину. — А это малые...
Дьявол, как же это было приятно! Я даже губы закусил, чтобы не закричать. Хотелось, чтобы он потрогал ТАМ, глубже, в самой серединке...
— А это вход во влагалище. Туда войдет мужской член, когда ты будешь заниматься сексом. Сейчас оно закупорено, потому что ты еще девственница.
— Сексом? — хрипло переспросил я.
— Да. Ты знаешь, что это такое?
Я знал, что секс — это то, что делала та пара из телека, и что это как-то связано с рождением детей.
— Конечно, — сказал я.
— Ну вот и славно. А это уретра — отсюда ты писаешь. А это... это клитор.
Я не дышал: мистер Дженкинс трогал меня в самой сердцевинке, подбирясь к самому сладкому и зудящему — и...
— Аааа! — не выдержал я: губы мои сами раскрылись, и я застонал, как умирающий.

— Приятно? — спросил мистер Дженкинс, продолжая трогать ТАМ.
Это было не то слово, и я кивнул, потому что не мог говорить. А мистер Дженкинс... он знал, что я чувствую! Он даже стал немного давить на этот клитор, или как его там, и от его пальца в меня вползали разряды цветного тока и пронизывали все тело, отдавая в сиськи...
— Хочешь, я научу тебя мастурбировать? Положи палец сюда...
Я сделал, как он сказал, и он двигал моим пальцем, а я мычал, как немой — так это было приятно. Но мне хотелось, чтобы он сам это делал. Я так ошалел, что все-таки сказал ему про это.
— Вот как? — спросил мистер Дженкинс, пристально посмотрел на меня (я, наверно, был весь багровый, так горели щеки) и сказал: — Ложись на спину.
Я лег, а он пристроился у меня в ногах, раздвинул их — и...
— Что вы делаете? — крикнул я.
— Лежи спокойно, — отозвался тот. — Ты сильно возбуждена. Это очень хорошо, я как раз хотел проверить... Это значит, что ты уже наверняка полноценная девушка. Приготовься, сейчас будет очень приятно. ОЧЕНЬ...
Никогда не думал, что может быть так страшно оттого, что ожидаешь приятного. Мистер Дженкинс раскрыл мне вагину и... стал лизать ее! Языком!
Я, наверно, орал и катался кошкой по койке — так это было невыносимо. Мистер Дженкинс крепко держал меня за бедра, и мне казалось, что я прикован к постели, и между ног в меня входит жидкий огонь, прожигая до костей. А потом это бешенство достигло высшей точки, и я стал падать в какой-то цветной колодец без дна, и сквозь меня проходили радуги и молнии, пронзая меня заживо...
— Ты очень чувственная девушка, — сказал мистер Дженкинс, вытирая лицо одеялом. — Похоже, что гормональная система работает на сто десять процентов. Потом мы еще кое-что проверим... Ну как, Джеки? Ты в порядке?
Я не мог говорить. Я парил в каком-то запределье, не имея веса, а рядом был ОН — мой бог, подаривший мне ЭТО...
— Я буду делать тебе так каждый день, сколько захочешь, — говорил он и гладил меня по голове, по плечам, по груди и бедрам, и мне казалось, что его руки лепят меня из сладкой пустоты, как пирожное...
***
Больница, в которой я лежал, была какая-то странная.
Кроме меня, тут никаких больных не было видно. Во всяком случае, по соседству со мной. Мистер Дженкинс объяснил, что это отдел редких случаев, поэтому так. Мне разрешалось выходить только в крохотный коридорчик — футов пятьдесят-шестьдесят в длину, не больше. Выход из него был под кодом, и мне туда было нельзя.
— Зачем меня тут держат? Я отлично себя чувствую! — жаловался я мистеру Дженкинсу.
— Понимаешь, твой случай настолько редкий, что мы должны тщательно исследовать тебя, чтобы исключить какие-нибудь неприятные сюрпризы в будущем, — объяснял тот.
— Вроде того, что у меня борода начнет расти?
— Вроде того...
Впрочем, скучать мне не приходилось. Во-первых, одно то, чем я стал, уже не давало скучать. Во-вторых, ко мне каждый день ходила куча всякого народа. Вначале на меня приходил смотреть какой-то суперважный дядька, похожий на киношного босса, потом заявилась еще

целая компания таких же. Мистер Дженкинс сказал, что это ученые. Сам он говорил им «сэр», и вообще было видно, что он их уважает. У меня все время брали кровь на анализы, так что я опять весь исколотый, как в папашины времена.

А еще ко мне приходила сестра Глинни. Это была первая девушка, которую я видел вживую после самой себя, хе-хе. И она была классная, эта Глинни, это я сразу понял как парень. Точнее, как остатки парня...

— Привет, я Глинни, — сказала она, когда зашла ко мне. — А ты Джеки, да?

Она была хорошо старше меня, лет на десять, но все равно была очень классная и казалась молоденькой.

— Я знаю твою историю. Джеки... ты только не смущайся, ладно? Ты одна из самых красивых девушек, которых я видела, и... мы с тобой будем учиться быть девушкой, ладно? Ты, наверно, уже поняла, что это не так легко, как казалось раньше?

Да, это уж точно. Одни волосы чего стоили! Пока я разобрался, как с ними управляться, чтобы никуда не лезли и нигде не щекотали, пока научился подвязывать и заплетать в косу... а расчесывание! Это вообще пытка какая-то, хуже костра! Раньше я не понимал девчонок, которые коротко стригутся, и всегда морщился, когда видел таких в кино. И только сейчас понял, каково им... но все равно никогда не стал бы стричься. Каждый раз, когда я распускаю волосы и смотрюсь в зеркало, меня что-то щекочет внутри, будто какой-то локон залез в самое сердце.

Был такой греческий парень Нарцисс — он влюбился в свое отражение. Я, похоже, недалеко от него ушел... хотя это шутка, конечно. Просто я еще не до конца понял, что Джеки — это я сам.

Вообще девчонкам гораздо проблемней живется. Между ног вечно какая-то дрянь хлюпает, и надо все время подмываться. А с сиськами вообще беда. Соски у меня стали в сто тысяч раз чувствительней, чем были, и их теперь натирает любая ткань. А в лифчике ты, как в уздечке — давит со всех сторон, и еще впивается, будто врасти в тебя хочет. Раньше еще корсеты были — так это вообще жуть...

Так вот: эта Глинни стала учить меня краситься. Дьявол, ну как же это было трудно! Я и раньше никогда толком ничего не мог нарисовать, а сейчас такое малевал на себе — смех, да и только! Глинни и смеялась, и я тоже, но понемногу набивал руку, и вчера даже нарисовал себе почти нормальные стрелки. С ними и с тушью на ресницах я вообще как кинозвезда какая-то. От этих занятий с Глинни такое странное чувство, умильное и немножко стыдное, особенно когда она касается меня. Видно, я все-таки еще немножечко парень. Где-то внутри, в глубине души.

Но при этом я и девушка. И не только потому, что сиськи и все такое, а потому что... потому что мистер Дженингс.

Я впервые по-настоящему осознал, что все это всерьез и взаправду, и назад дороги нет, когда понял, что такое для меня Он. Иногда бывает, что вдруг понимаешь какую-нибудь простую вещь, которой раньше в упор не видел. Вот я и понял, как это называется.

Это называется «влюбился». Точнее, «влюбилась».

Вот оно как бывает, оказывается. И как тут не влюбиться, если он такой!... Такой умный, такой добрый, настоящий, такой очумительно красивый!..

И он каждый день делает мне ЭТО. Каждый день его язык пронзает меня, а я каждый день умираю этой маленькой сладкой смертью.

Это наша тайна. Я понимаю, что мне нечего рассчитывать на него — он ведь совсем взрослый, и он настоящий герой, а я пацанка, которая к тому же не умеет быть девушкой и не знает, как все это делается — как они охмуряют мужчин и все такое. (Ну, я ведь читал, и в кино видел, что у девушек свои тайны. Надо будет расспросить Глинни, только при этом постараться не краснеть.) Но то, что он мне делает... это же о чем-то говорит, да? Хоть сам он говорит, что это часть исследований. Плюс такая терапия.

— Оргазм — мощный стимулятор лимбической системы, — объясняет он. — Но это моя идея. Ты о ней не говори моему начальству, ладно? — и смеется.

Какое там «говори-не говори», если я и ему-то в глаза не могу заглянуть!

Как же это здорово, когда Он только входит и хитро смотрит на меня, и запирает дверь, и сразу мурашки по всему телу!..

— Ну что, Джеки? Пришло время нашей терапии? — спрашивает. Какое блаженство сразу раздеться перед ним и распахнуть ноги!... Зябкое, густое такое чувство — и стыд и бесстыдство сразу. Сильный стыд и сильное бесстыдство — это ведь почти одно и то же. Это когда телу так сладко и остро от Его взглядов, что оно начинает закипать против твоейНо я, наверно, никогда не решусь попросить... В последнее время Он какой-то озабоченный. Раньше целые дни у меня проводил, а теперь все реже и реже заходит, и хмурый такой — кислятина кислятиной. Я сначала думала, что надоела ему, а потом Он говорит:

— Джеки, если тебе кто-то придет делать уколы — ни за что не соглашайся, ясно? Никаких уколов никаких препаратов. А так же никаких капельниц, таблеток и прочая, и прочая. Даже если будут расписывать, как это важно и необходимо. Ты поняла меня?

— Поняла, — говорю. — Но ведь в меня каждый день тыкают шприцами. Как я разберу, где соглашаться, где нет?

— Джеки, — раздраженно так говорит Он, — ну ты же не глупая! Что ты такую чепуху несешь? Одно дело, когда у тебя БЕРУТ анализы, и совсем другое — когда тебе ДЕЛАЮТ укол. Ты отличишь пустой шприц от полного? Смотри!..

И Он показал наглядно, набрав воды в пустой шприц, а я смотрела и лопалась оттого, какая я глупая и как я хочу, чтобы Он затискал меня до смерти...

А потом он дал мне какую-то штуковину с кнопкой, типа рации, и сказал, чтобы я ее спрятала и, если меня будут что-то заставлять, чтобы жала на кнопку.

***

Сегодня такое было!..

Нет, не могу писать. Напишу позже.

***

Уже ночь. Он спит со мной!

Потому что утром Его не было, и Глинни тоже, а вместо нее ко мне пришла какая-то грымза в очках. И со шприцом.

— А где Глинни? — спросил я.

— Ее перевели в другое отделение. Теперь я буду вместо нее. Меня зовут сестра Уэст. Ложитесь на живот, мисс Осман, нужно сделать укол.

— Не буду я делать никаких уколов! — я вскочил с кровати. Внутри сразу заледенело все... ну почему я такой трусливый?!

— Ну, ну, — качала головой сестра Уэст. Морда у нее была абсолютно гладкая и пустая, как халат. — Давайте будем послушными девочками...

И приближалась ко мне.
И тут я нажал на ту кнопку. В кармане, незаметно. И потом еще нажал раз десять — на всякий случай.
Я не знал, когда придет мистер Дженкинс. Я вообще не знал, придет ли он. И даже думал — «а может, ну его? Подумаешь, укол...»
Но все-таки Он сказал. И был такой серьезный, когда говорил... Нет, нельзя.
Я бегал от сестры Уэст по своей маленькой комнатушке, потом выскочил в коридор. Волосы мешали, дьявол, я не успел подвязать их, и они лезли в глаза...
И тогда сестра Уэст нажала на сигнализацию. Вошли два здоровенных санитара, и вместе с ними — мистер Дженкинс.
Не буду описывать весь этот эпос — как они объяснялись и все такое. Потому что потом было кое-что поинтереснее.
Когда все убрались, он остался со мной.
— Молодец, Джеки, — сказал он, и я расцвела, как дура, от его похвалы. — Надо бы разрядиться, а? Как считаешь?
Он запер дверь и посмотрел на меня. Во мне все екнуло от предвкушения... Это такое удивительное чувство — будто тебя окунули в теплую ванну, и ты там сбрасываешь с себя тряпки — побыстрей, чтобы подставиться Ему всем своим голым и сладким...
В этот раз все было совсем уж невыносимо — то ли от нервов, то ли не знаю, от чего. Он лизал меня в самое сердце — так мне казалось, и я смеялась и плакала одновременно, и корчилась под его языком, и била пятками по койке... И так бешено хотелось его рук, крепких рук по всему телу, а особенно на сиськах, что я не выдержала и попросила.
Дьявол. Никогда мне не было так стыдно — лежу, раскоряченная всей стыдобой, и прошу:
— Пожалуйста... потискайте мне грудь...
Но через секунду я уже забыла про всякий стыд и выла, как сирена. Он вытянул руки — они у него такие длинные оказались, он прямо оплел меня всю, — и «доил» меня, сдавливал и катал мои сосочки, как хлебные шарики, и при это продолжать лизать ТАМ! Я задохнулась, я стала оплавленным воском в его руках, и...
Но это было еще не главное. Потому что Он вдруг прекратил меня лизать и спросил:
— Джеки!... Хочешь заняться со мной настоящим сексом?
Не знаю, что было бы, если бы я сказала «нет»... но я так не могла сказать. Я сказала «да». Не сказала, а выдохнула, мяукнула...
— Отлично. Ты вполне готова к этому. Будет немножко больно, ты знаешь, да? Джеки...
Он вдруг подался к мне — порывисто так, я даже испугалась, — и замер рядом:
— Джеки... Тебе не будет противно, если я начну целовать тебя в губы?
— Противно? Почему? — прохрипела я.
— Ну... все-таки ты недавно была мальчиком... Прости. Это глупо, я знаю.
И он разделся. Догола.
И я впервые смотрела на эту пушку — какая она бывает у настоящих парней. У меня внутри все перевернулось, когда я увидела ее. Она была... я не смогу это описать.
Нельзя назвать ее красивой... вот про себя я могу сказать, что я красивая, с моими кудряшками-спиральками и глазищами, которые как подведенные из-за ресниц. И про Глинни тоже. И про Него — про его лицо и тело.
А пушка... это было что-то больше и сильнее красоты. И ЭТО сейчас будет во мне... Аааа!

И когда Он залез, голый, в постель, и обхватил меня, прижал к себе сиськами и животом, и ткнулся мне в волосы, и зашептал — «Джеки, какая же ты невероятная, удивительная... ты сама не понимаешь, какая ты... « Вот тогда привычного мистера Дженкинса не стало — всегда уверенного такого, властного... А вместо него меня топило в ласках и поцелуях горячее существо, влажное и родное-родное, будто я знала его еще до рождения...

Я сейчас пытаюсь вспомнить, как это было — как он целовал меня, как проник мне в рот языком, и как в меня снизу вползало толстое и плотное, и немножко рвало меня, и сама я рвалась от ласк и своего стона...

Он распер меня до ушей и говорил, целуя в нос и в щеки:

— Теперь ты настоящая женщина, Джеки. Чувствуешь, как я глубоко в тебе? Чувствуешь меня внутри?

Я чувствовала!!! И говорила ему «да», и улыбалась, и плакала, и извивалась под ним, потому что очень хотелось оргазма, до рева, а Он двигался там во мне, и это было, будто Он ласкал меня изнутри, и потом я задохнулась в каком-то чудовищном вихре, который скрутил меня, как тряпку, и поняла, что это и есть оргазм, только не такой, как раньше, а сильней и страшней, и что главное сейчас — не отключиться...

Он был со мной весь этот день. Он... Никогда еще мне не было так стыдно писать. Потому что раньше это все получалось, как игрушки — мы просто игрались моим новым телом, нажимали на разные кнопки, и мне было немножко стыдно и приятно. А сейчас мы ласкались, как звери. По-телячьи. Очень-очень тепло, жарко, влажно и стыдно. И хорошо. И я поняла, что мечтала о таком всю жизнь.

А потом... нет, это и представить невозможно! Потом он поставил меня на коленки, и... и мои невозможные сны стали реальностью. Он сделал это со мной сзади, а я терлась грудью о постель и кусала подушку.

И Он остался со мной на ночь! Днем еще приходили какие-то люди, но Он говорил, что пустит их ко мне только по личному указанию какого-то мистера Смита. Он лег на полу, потому что койка узкая, но я затащила его к себе, и действительно было тесно, но при этом так чудесно прижиматься к нему сиськами, оплетать ногами и чувствовать, как ты липнешь к нему своей влажной вагиной. Как масло к бутерброду...

Сейчас он спит. Я вышла в душ, а заодно прихватила дневник. Сижу на унитазе и строчу.

Кажется, сегодня (то есть уже вчера) я наконец-то почувствовала себя девушкой. Женщиной. Теперь-то я понимаю, что я Джеки.

Я еще раньше писала, что бывают вещи, которые невозможно понять головой — только нутром. Вот я сегодня и поняла, что это чувство, когда Он в тебе, и ты окутываешь Его, как влажное облако — это и есть Джеки. Мое новое «я». Оно во мне всегда было, я только сейчас это поняла, только где-то очень глубоко... А теперь оно вышло на поверхность. И теперь я — Джеки. Красотка Джеки, кудряшка Джеки, которая только что занималась настоящим сексом с настоящим мужчиной... С ума сойти.

Он сказал, что завтра мы куда-то поедем. На какой-то эксперимент, который покажет,могу ли я нормально существовать на открытом воздухе. «Чистая формальность», — он говорит, — «заодно и проветришься».

Мне дико хочется на волю. Я никогда не видела лес, поле, не видела океан... Только в кино.

Но ради Него я готова всю жизнь прожить здесь.

***

Я на воле.
С Ним.
Но я не знаю, рада я или нет. Мне страшно. Хотя, может, все обойдется...
Опишу по очереди, как все было, чтобы ничего не перепутать.
Утром мы выехали оттуда — я, мистер Дженкинс и какой-то дядька, который зачем-то ехал с нами. Мистер Дженкинс сказал, что это тоже ученый, который будет наблюдать наш эксперимент. Когда мы шли к машине, мне завязали глаза черной повязкой — мистер Дженкинс сказал, что для эксперимента нужна чистота моих впечатлений. Ну и ладно, хотя я могла просто закрыть глаза, и все.
А потом машина остановилась, меня развязали — и я сначала молчала, потому что захлебнулась этим всем и не могла говорить, а потом завизжала, как мелюзга, и побежала ТУДА — к этим удивительным цветам, к голубому небу и лиловым холмам на горизонте, — но меня окликнул мистер Дженкинс.
Мы стояли у большого холма, похожего на крыло пестрой бабочки — столько на нем было цветов, ярких, разноцветных, будто его побрызгали из пульвезатора. Ничего подобного я никогда не видела. Я хотела сразу нырнуть в них, как в ванну, но мистер Дженкинс сказал, чтобы я разделась догола.
— Нужно проверить, как солнечная радиация воздействует на твои гормоны, — сказал он.
Было немного стыдно того дядьки, но я убедила себя, что он медик, как и мистер Дженкинс, а их стыдиться нечего, и стащила с себя все, даже туфли.
И сразу стало легко, будто я с одеждой сняла лишних двадцать кило. Тело окутал легкий ветерок, захолодил мне бедра, защекотал распущенными волосами, и я снова завизжала, как дурочка.
Мистер Дженкинс так смотрел на меня, что я вдруг увидела себя в этом взгляде — голую, кудрявую, с сосками, торчащими из черных спиралек, и вокруг цветы до небес...
Меня захлестнула обжигающая волна. Я хотела кинуться ему на шею, но застеснялась чужого дядьки и побежала к вершине холма, раскинув руки. Мне казалось, что я добегу и взлечу, и буду парить над этими цветами, свесив сиськи, и мои волосы будут развеваться и щекотать облака...
Как же удивительно быть девчонкой!
— Я прослежу за ней, — услышала я сзади голос мистера Дженкинса. — Ждите здесь. Джекииии!... Не убегай!..
Он догнал меня на другой стороне холма. Машины с дядькой не было видно, и я с разбегу прыгнула на шею своему любимому и влипла ему в губы.
— Джеки, — бормотал он, уворачиваясь. — Джеки... Не сейчас.
Я обиделась и слезла с него. А он оглянулся — и вдруг стал раздеваться. Снял с себя все и повернулся ко мне своей торчащей пушкой.
Я ахнула.
— Что, прямо здесь?..
Он ничего не ответил, а вместо того подобрал в траве какой-то сверток, развернул его — это была сложенная клеенка — и накрыл ею кучу своей одежды.
Потом отошел и жестом поманил меня за собой.
Сказать, что я была заинтригована — значит ничего не сказать.
Мы отошли футов на сто от вершины. У подножья холма была какая-то дырка — что-то вроде

вентиляционной шахты.
— Джеки, — наконец заговорил Он, взяв меня за руки. — У нас мало времени. Слушай меня внимательно и не перебивай. Я не тот, за кого себя выдаю. Больница, где ты лежишь — вовсе не больница. Это секретная лаборатория ФБР. И меня зовут совсем не Дженнингс. Мое настоящее имя — Вудмэн, агент Вудмэн. А зовут меня Том. Кстати, и тебя зовут не Джеки. При крещении тебе дали имя Ребекка. Но это сейчас неважно...
Я слушала, открыв рот.
— Я обманывал тебя. Мы знали, что Марвин Осман проводит генетические эксперименты на людях. С самого начала у меня было задание выкрасть тебя для изучения. Мы тогда еще не знали, кто ты и каковы эти эксперименты. То, что ты девушка, было для нас неожиданностью. Я украл у тебя ампулу с препаратом и отдал ученым. Может быть, если бы ты была парнем, моя совесть и не проснулась бы. Но ты стала девушкой, и... я так не могу. Я влюбился в тебя, Джеки, как сопливый пацан, и больше не могу тебя обманывать.
У меня закружилась голова, и я крепко вцепилась в его руку, чтобы не упасть.
— Сейчас тебе грозит смертельная опасность. Наши ученые воссоздали препарат твоего отца, и руководство требует, чтобы тебе снова вводили его. Тебя хотят опять сделать парнем, Джеки.
Мы с тобой можем бежать. Здесь и сейчас. Только здесь и только сейчас. Это вход в старую шахту. Я знаю, где другой вход, знаю, как к нему пройти. Я все приготовил для побега. В нашей старой одежде, и в твоей и в моей — жучки для прослушки. И в твоей палате тоже. Даже я не смогу обнаружить их все. Проще оставить их с одеждой. На всякий случай я накрыл ее звуконепроницаемым экраном. У входа в шахту, я приготовил новую одежду, обувь и все необходимое. Сейчас мы пойдем туда, очень быстро оденемся — и... У нас очень мало времени — Смит может в любую минуту прийти сюда. Тебе все ясно, Джеки? Ты согласна? Просто кивни...
Я кивнула, и мы побежали к шахте. Мистер Дженкинс (или Вудмэн?) вытащил из травы пакет и достал из него какую-то железную штуковину и фонарь. Потом ввел меня в шахту, оставив штуковину у входа. Пахнуло холодом и плесенью...
— Быстро, — зашипел он на меня. — Через две минуты рванет.
Мы зашлепали босиком по бетонному полу. Том светил фонарем.
— Ложись! — вдруг крикнул он. Мы повалились прямо в грязь. Я сжалась, ожидая взрыва, но он был только через полминуты, или около того, и я чуть не уписалась за это время, и все норовила встать — хорошо, что Том прижимал меня к земле. И, когда наконец рвануло — это оказалось совсем не так страшно, как ждать, чуть-чуть только ударило по ушам, и все.
— Теперь можно одеваться, — Том встал и помог встать мне. — Они будут думать, что это взрыв метана, и что мы в нем погибли. Конечно, их так просто не проведешь, но, по крайней мере, они потратят время, выискивая наши тела... Готова? Вперед! Чем быстрее — тем лучше...
Мы выбрались минут через пять в каком-то овраге. Вокруг был лес. Я никогда не была в лесу и оглядывалась с открытым ртом, а Том ругался и торопил меня.
Вскоре мы вышли к дороге. Там стояла машина. Том открыл мне дверь, сел за руль — и мы погнали...
***
И вот мы снова ночуем в мотеле, как в ту первую ночь, когда я еще была Джеком.

— Шансов у нас не так много, — говорил мне Том (наверно, я никогда не привыкну его так называть). — Но, с другой стороны, и не так мало. У тебя, когда ты превращалась в Джеки, было гораздо меньше шансов выжить. Я стреляный воробей, но и ФБР — не детский сад. Сейчас главное — поскорей выбраться из страны. У меня есть один безумный план. Даже странно говорить о таком… Ты как относишься к коммунистам?

Честно говоря, я толком не знала, кто это такие.

— Ну вот и хорошо: меньше предрассудков. Понимаешь, я подумываю о том, чтобы попросить политического убежища в Советском Союзе. Рассказать им всю правду… или почти всю. Я ни разу не коммунист и не люблю их, но это единственное место на планете, где нас будет трудновато достать. А твоя безопасность куда важней политических убеждений. Что скажешь?

Я не знала, что сказать. И сейчас не знаю.

Он спас мне жизнь. И девушка Джеки не может без него жить. Но он сказал «если бы ты был парнем — моя совесть не проснулась бы… « И парень Джек, который все еще жил во мне, и который тоже боготворил мистера Дженкинса, чувствовал себя обманутым.

Чего там — он был смертельно оскорблен, этот парень Джек.

И я не знала, что мне с ним делать.

Кто возьмет верх? Джек или Джеки, которую Том только что превратил в мотельной койке в лужицу сладкого масла?..

***

Из записей Ленинского ЗАГСа города Воронежа:

«12 ноября 1983 года вступили в законный брак Вудмэн Томас Гарриевич и Осман Ребекка Марвиновна. Невеста в замужестве получила фамилию Вудмэн…»